

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата философских наук Коды Надежды Викторовны
на тему: «Мышление другого Начала в философии позднего Мартина
Хайдеггера»
по специальности 09.00.03 – «История философии»

Тема диссертационного исследования Коды Надежды Викторовны актуальна для современного состояния философии по многим причинам. С одной стороны, Хайдеггер по сей день остается одним из самых значимых философов XX в. Современные философы могут поднимать его на щит или же объявлять одной из главных мишеней своей критики – в обоих случаях, Хайдеггер, по меткому выражению Алена Бадью, остается «общим местом». Особенную актуальность исследованиям мысли позднего Хайдеггера придает тот факт, что в последнее время свет увидел не публиковавшиеся ранее скандальные «Черные тетради», издание которых привело к оживлению споров вокруг так называемого «дела Хайдеггера»: мало того, что данные работы сами оказались образцом крайнего нацизма и антисемитизма, так еще и в связи с их публикацией открылось множество фактов пере-истолкования и переписывания самим Хайдеггером и его издателями его текстов с целью скрыть очевидность причастности мыслителя к нацизму в его самых крайних формах.

Научные положения, выводы и рекомендации, изложенные в диссертационном исследовании, обоснованы в достаточной степени. Достоверность положений, выводов и рекомендаций не вызывает сомнений, так как результаты исследования отражены в публикациях во вполне достойных научных изданиях, а также были представлены автором на конференциях. Новизна исследования также не вызывает сомнений, особенно интересной представляется классификация существующих представлений о логичности или нелогичности текстов Хайдеггера (с. 82–83),

которая явно может быть использована в дидактических целях при чтении спецкурсов по философии Хайдеггера. В равной мере интересно сопоставление мышления позднего Хайдеггера с этнографическими и антропологическими исследованиями XIX–XX вв. (с. 92–96).

Однако странным выглядит то, что в диссертационном исследовании ни разу (!) не упомянуто о вовлеченности Мартина Хайдеггера в нацизм, хотя после «Черных тетрадей» сложно себе помыслить философскую работу, тем более, посвященную исключительно ему, в которой хотя бы каким-то образом не упоминался бы этот факт. Особенно странным это выглядит в связи с тем, что в «Черных тетрадях» Хайдеггер размышляет в том числе и о другом Начале, которое должно вывести Dasein из его «бытия-бездомным», – последний образ Надежда Викторовна Кода подробно разбирает в своем исследовании, так как он является важным для раскрытия философской логики Хайдеггера. Разумеется, это «бытие-бездомным» в «Черных тетрадях» Хайдеггер связывает с еврейскими махинациями, но Надежда Викторовна считает этот факт несущественным, вообще очень мало внимания уделяя «Черным тетрадям»: она ссылается на них всего один раз (с. 114) и при этом совершенно не упоминает всех проблем, связанных с этим текстом. Складывается впечатление, что автор целенаправленно обходит вниманием «Черные тетради» и не упоминает соответствующей критики Хайдеггера за его политические взгляды, чтобы «обелить» его наследие и попросту вычеркнуть факт глубинной связи онтологии Хайдеггера с его участием в нацизме.

Допустим, это действительно так. В таком случае, тем не менее, неясно, почему идеи позднего Хайдеггера никак не связываются с современными попытками использовать его мышление в рамках экологических политических проектов. Мышление другого Начала как «мышление изнутри», неопредмечивающее мышление – все это прекрасно встраивается в идеи «зеленых», а в современной философии находит свой отклик, в частности, у Тимоти Мортонa. Выглядит странным желание автора

отвести философию в надежный, оторванный от политического контекста, замкнутый на самом себе мирок и там рассматривать ее вдали от мира и его суматохи. Несмотря на то, что Хайдеггер предпочитал жить в уединенной хижине, его тексты всегда имели политическое значение: в этой хижине он размышлял об атомных бомбах, гидроэлектростанциях, встрече Гитлера с Муссолини и т. д. Если отвлечься от политического измерения текстов Хайдеггера, оказывается вообще непонятным, зачем нужны все его мыслительные потуги, если они никак не могут вдохновить людей на начало новой неметафизической жизни в политическом смысле.

С другой стороны, серьезные вопросы вызывает то, как Надежда Викторовна Кода пытается обосновать ключевое положение, выносимое на защиту: «Отсутствие четкой концептуализации “философской логики”, которой Хайдеггер руководствовался в своих поздних работах, является частью методологического ограничения, налагаемого философом на мышление. У мышления другого Начала в бытийно-историческом корпусе сочинений позднего Хайдеггера имеются свои законы, не смотря на то, что немецкий философ не формулирует их с логической точностью» (с. 20). В целом, в тексте можно увидеть ряд аргументов, с помощью которых автор пытается обосновать данное положение:

1) Хайдеггер довольно последовательно использует ряд языковых приемов в своих работах, что свидетельствует о строгости его мышления, которое выражается в таком языке: «Так как трансформация мышления неразрывно связана с трансформацией языка в философии позднего Хайдеггера – критический проект преодоления метафизики определенным образом выступает как преодоление метафизического языка. Многосторонняя и разнообразная работа Хайдеггера с языком направлена на разрушение понятийности, “изъятие” терминов из логических дефиниций, высвобождение “изначальной творческой силы языка”. Путь к этому немецкий философ видел в игре корневой близости слов, создании неологизмов, использовании омонимии и полисемии, в отсутствии

абсолютно точных и “окончательно раскрывшихся” значений терминов, которые сами переходят у него в знаки-намёки к мыслимому» (с. 64). Этот аргумент, по сути, последовательно раскрывается в первой главе работы.

2) Хайдеггер использует ряд приемов из философской апофатической традиции, при этом делает он это весьма строго и последовательно, а значит, и мышление его не лишено строгости и последовательности: «В работах позднего Хайдеггера можно обнаружить наличие отрицательного метода и обилие негативной терминологии. Хайдеггер использует апофатическую речь как антиметафизический принцип и способ говорить о бытии в эпоху его забвения» (с. 119–120). Это главный аргумент второй главы исследования.

3) Хайдеггер использует не только апофатические приемы для указания на другое Начало через отрицание, но и весьма последовательно указывает на него положительно через темы истины, памяти и намека: «Таким образом, помимо критического проекта преодоления метафизического мышления, были раскрыты так же и положительные черты мышления другого Начала на основе трех тем: истины, памяти и намека. Благодаря анализу данной “положительной составляющей” мышления другого Начала в философии позднего Хайдеггера становится понятнее природа “внелогической строгости” и отрицательного метода немецкого философа» (с. 189). Этот аргумент последовательно разбирается в третьей, заключительной главе исследования.

Все эти аргументы не безупречны.

1) Первый аргумент кажется слабым в виду того, что пытается продемонстрировать строгость мышления последовательным использованием определенных языковых выражений. Но в таком случае оказывается непонятным, чем «логика» Хайдеггера отличается от его стиля. Почему обращение к этимологии и корневой близости слов, к пространственным, экономическим, зрительным метафорам, использование просторечных оборотов, создание неологизмов в случае художественной

литературы мы назвали бы стилем автора, а в случае Хайдеггера должны называть особенностями его мысли? Это далеко не очевидно. Например, автор указывает на то, что Хайдеггер мыслит с помощью корневой близости слов, тем самым находя некую «строгую мысль», выражающую себя в языке: «Ereignis (событие) – Eigene (свое собственное) – Ereignen (сбывание); Denken (мышление) – Gedächtnis (память) – Dank (благодарность) – Gedachtes (помысленное); Geschichte (история) – Geschick (посыл) – Schicksal (судьба); Stimmung (настроенность) – Stimme (голос) – Bestimmung (определенность); Hören (слух) – Gehören (принадлежность) – Gehorsam (послушность) – Hörigkeit (подчиненность)» (с. 61). Почему все эти ряды выражают особую мысль, а не аффект, достигаемый поэтами с помощью аллитерации? Чем эти ряды отличаются от «Гриб – Грабь – Гроб – Груб»?

2) Тезис об апофатическом методе в философии Хайдеггера сам по себе верен и действительно затрагивает важный нерв в работах мыслителя, но гарантирует ли само указание через отрицание какую-либо строгость? Пожалуй, апофатизм и сигетика и впрямь являются методами Хайдеггера, но являются ли эти методы строгими и методичными? Проблема апофатизма в том, что сам по себе он не приводит к формированию некоей теории, умозрения, он только расчищает простор для дальнейшей позитивной работы. Таким образом, этот второй аргумент будет иметь силу только в том случае, если будет верен третий аргумент, аргумент о том, что в работах Хайдеггера содержатся не только критические и деструктивные мотивы, но и позитивные утверждения, в которых он пытается указать на истину бытия, открывающуюся в другом Начале.

3) К сожалению, третий аргумент, аргумент о наличии в мышлении Хайдеггера строгого использования позитивных образов истины, памяти и намека также можно оспорить, а поэтому подвешивается и ценность апофатического метода, предваряющего положительный дискурс о другом Начале. Дело в том, что, объясняя раскрытие Хайдеггером тем истины, памяти и намека, автор диссертации как бы не выходит за пределы авторской

терминологии, чтобы пояснить ее другим языком, а последовательно вновь и вновь приводит примеры того, как Хайдеггер поясняет эти темы, по сути, просто воспроизводя хайдеггеровские речевые приемы и в лучшем случае выявляя их генеалогию. Разумеется, тексты Хайдеггера очень герметичны, но задача интерпретатора заключается в том, чтобы объяснить непонятное с помощью понятного языка. Автор же объясняет непонятные термины Хайдеггера непонятными же терминами Хайдеггера. Так делают многие исследователи, но автор, настаивающий на строгости и методичности мысли Хайдеггера, кажется, должен иметь возможность пробраться к некоей логике повествования, скрывающейся за особенностями стиля.

Особенно очевидно «пробуксовывание» автора в ее попытках выявить позитивные тезисы Хайдеггера в связи с темой памяти как благодарности: «Соразмерной благодарностью этому дару выступает непрестанное “осуществление” своей сущности наиболее собственным образом. Поэтому Хайдеггер пишет, что исходная благодарность выступает как благодарность самой себе. То, что передается человеку в смысле приданого (Mitgift) этого дара, пишет Хайдеггер, — есть мышление. Возникает некий круг — благодарностью за дар оказывается осуществление этого дара: благодарить за собственную сущность означает быть “собственным образом”, а благодарить за мышление — значит мыслить наиболее подлинным образом. Строго выражаясь, употреблять здесь благодарность “за” мышление даже не совсем уместно, потому что мышление оказывается благодарным себе самому. В благодарности мысль как будто возвращается в саму себя, выступая “как” благодарность, а не просто оказывается чему-то за что-то благодарной» (с. 162).

Возможно, для того, чтобы разобраться со всеми этими вопросами о неточности и непонятности хайдеггеровского языка и мышления, автору стоило бы в самом начале более точно пояснить, как она и Хайдеггер понимают философию вообще, почему их понимание философии позволяет использовать при написании текстов беспонятную логику, по сути не

отличимую от стиля поэтического произведения (это, кстати, объяснит и то, почему нельзя перефразировать текст Хайдеггера и объяснить его по-другому: по той же причине, по которой нельзя перефразировать стихи). Если задача философии – заставить нас как-то по-новому увидеть мир, точнее, отнестись к нему, а не решить какой-то вопрос о точном применении и определении терминов, чем часто грешит аналитическая философия, то тогда использование метафор, игры корней, ассоциаций и отказ от бинарной логики становится понятен. Но этот основной посыл нужно было прояснить заранее. При этом в таком случае необходимо также объяснить, чем хайдеггеровская попытка научить нас новому отношению к миру предпочтительнее попыток, совершенных после него, например, Делезом, Деррида или Харманом, которые, по всей видимости, разделяют такое понимание философии.

А это вновь ставит вопрос о политическом измерении текстов Хайдеггера, которое Кода Надежда Викторовна целенаправленно исключает из своего диссертационного исследования. Ведь если работы Хайдеггера в конечном счете оказываются своего рода художественно-политическими манифестами, то их нужно оценивать не с помощью критерия некоей строгости, а скорее, с помощью критерия того, насколько точно и емко эти тексты выражают некоторый политический запрос, насколько этот политический запрос актуален и насколько предполагаемое им устройство мира является справедливым.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 09.00.03 – «История философии» (по философским наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, а также оформлена, согласно

приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Кода Надежда Викторовна заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.03 – «История философии».

Официальный оппонент:

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
Института социально-гуманитарных наук
ФГАОУ ВО «Тюменский
государственный университет»

Салин Алексей Сергеевич

«12» ноября 2021 г.

Контактные данные:

тел.: 7(903)6230865, e-mail: a.s.salin@utmn.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

09.00.01 – Онтология и теория познания

Адрес места работы:

625003, (Тюменская область) г. Тюмень, ул. Ленина, д. 23,
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», Институт
социально-гуманитарных наук, кафедра философии
Тел.: +7 (3452) 45-50-56; e-mail: kafedrafilosofii@mail.ru

